

10. Srečanje pesnikov, kritikov in prevajalcev poezije

2. 7. – 7. 7. 2013

Država gostja: RUSIJA

in / и

ИНСТИТУТ ПЕРЕВОДА

INŠTITUT ZA PREVAJANJE MOSKVA

predstavljata / представляют:

Sodobna slovenska in ruska poezija

Современная русская и словенская поэзия

Izbrani pesniki na Festivalu Pranger – dvojezična izdaja

Избранные поэты на Фестивале "Прангер" –

двухязычное издание

Izbor / Избранное

FESTIVAL PRANGER
ФЕСТИВАЛЬ «ПРАНГЕР»
2013

Rogaška Slatina, Pilštanj, Ljubljana
2. julij – 7. julij 2013
Рогашка Слатина, Пилштань, Любляна
2 июля – 7 июля 2013

Sodobna slovenska in ruska poezija
Современная русская и словенская поэзия

Izbrani pesniki na Festivalu Pranger – dvojezična izdaja
Избранные поэты на Фестивале "Прангер" –
двуязычное издание
Izbor / Избранное

Prevod v ruščino: Žana Perkovska v sodelovanju z Borutom Kraševcem
Перевод на русский язык – Жанна Перковская, сверка перевода – Борут Крашевец

Prevod v slovenščino: Jelka Ciglencečki
Перевод на словенский язык: Елка Цигленечки

Sestavila: Nada Grošelj
Составитель: Нада Грошель

Sodobna ruska in slovenska poezija
Izbrani pesniki na Festivalu Pranger – dvojezična izdaja
Izbor

Prva izdaja

Copyright © 2013 KUD Pranger

Translation of this publication and the creation of its layout were carried out with the financial support of the Federal Agency for Press and Mass Communication under the federal target program "Culture of Russia (2012–2018)."

Založnik: KUD Pranger, Šmarje pri Jelšah

Za založnika: Urška P. Černe

Leto izida: 2013

Leto natisa: 2013

Avtorji: Victor Ivaniv, Kirill Korčagin, Katja Plut, Maja Vidmar, Ivo Stropnik, Katja Gorečan, Alenka Jovanovski, Kristina Hočevar, Janez Ramoveš, Milan Vincetič, Karlo Hmeljak

Prevodi v ruščino: Žana Perkovska

Prevodi v slovenščino: Jelka Ciglencečki

Pregled: Borut Kraševcevec

Uredili: dr. Nada Grošelj, dr. Julija Sozina

Oblikovanje in prelom: KUD Pranger

Tisk: Copy center – Maribor

Naklada: 200

Tisk sta omogočila: Inštitut za prevajanje iz Moskve in Vseruska državna knjižnica za tujo literaturo M. I. Rudomino.

Izdajo knjižice in Festival Pranger je omogočila Javna agencija za knjigo Republike Slovenije.

JAK

CIP - Kataložni zapis o publikaciji

Narodna in univerzitetna knjižnica, Ljubljana

821.163.6-194"20"

821.161.1-194"20"

SODOBNA ruska in slovenska poezija : izbrani pesniki na Festivalu Pranger : dvojezična izdaja / [avtorji Victor Ivaniv ... et al.] ; [uredila] Nada Grošelj ; [prevodi v ruščino Žana Perkovska, prevodi v slovenščino Jelka Ciglencečki]. - Šmarje pri Jelšah : KUD Pranger, 2013

ISBN 978-961-92019-1-6

1. Ivaniv, Victor 2. Grošelj, Nada

267888640

VSEBINA / ОГЛАВЛЕНИЕ

I.

Katja Gorečan / Катя Горечан

Hana in družina

Hana, dedek in bog

Ханна и семья

Ханна, дедушка и бог

Karlo Hmeljak / Карло Хмеляк

»če se že ni mogoče odpovedati besedam« Vallejo

"Уж если нельзя отказаться от слов" (Вальехо)

Kristina Hočevar / Кристина Хочевар

*** (*ne bom imela dolge sive kite, moji lasje so že zdaj pretanki.*)

*** (у меня не будет толстой седой косы – мои волосы и сейчас слишком тонкие...)

Alenka Jovanovski / Аленка Йовановски

Lord Byron pozablja, o čem govori, zato govori o mehkužjih

Лорд Байрон забывает, о чем говорит, потому говорит о моллюсках

Katja Plut / Катя Плут

Na tleh se nabira večer.

На полу собирается вечер

Iskali in našli čeden razgled za zapustit

Искали, что окинуть прощальным взором, и нашли

Janez Ramoveš / Янез Рамовеш

(Plašejne vran)

(Шугаю ворон)

Kej od tega mam rad

Во че люблю

Ivo Stropnik / Иво Стропник

lahkovernna

Легковерная

lipova

Липовая

Maja Vidmar / Майя Видмар

*** (*Ko se zaljubiš*)

*** (Когда ты влюбляешься...)

Kar naenkrat

Внезапно вдруг

Milan Vincetič / Милан Винцетич

Predvečer

Сумерки

Dom

Дом

II.

Виктор Іванів / Victor Ivaniv

Стихи к Марии из кузни

Pesem za Marijo iz kovačnice

ФЕТВА

FATVA

*** **(Я вижу только только только только honey moon...)**

*** (*Vidim samo samo samo samo honey moon*)

*** **(Корабль из хрусталя разбит...)**

*** (*Kristalna ladja je razbita*)

*** **(К.Б.)**

*** (*К.В.*)

Кирилл Корчагин / Kirill Korčagin

*** **(снег во впадинах в тусклом...)**

*** (*sneg v vdrtinah v motnem*)

putra

putra

*** **(заинтересовался реалиями...)**

*** (*začela so me zanimati dejstva*)

*** **(задевают смутно касаясь кружат...)**

*** (*trkajo v neredu se dotikajo krožijo*)

агора

agora

*** **(вот они сходятся во дворе ночь и под водой голос...)**

*** (*glej tako se združita na dvorišču noč in pod vodo glas*)

нецах

nesah

I.

Katja Gorečan / Катя Горечан

Iz zbirke Trpljenje mlade Hane / Из сборника "Страдания юной Ханны" (2012)

Hana in družina

na kolena ali v kot
za prednike
starše
brate
sestre
otroke
moža

iztisni hana iz sebe tisto, kar nisi nikoli bila.
in tisto, kar je pričakovano, *da bom postala*.
hana, pokakaj zadnji iztrebek sanj. in tako boš preživela.
hana *imam zelo rada svojo družino* in jih predvsem preveč upošteva.
ponosna je na vse ženske v družini,
saj so močne in znajo potrpeti ponižanje.
znajo se narediti neumne, ko je potrebno in znajo biti uporabne,
ko je treba počistiti hišo in skuhati kosilo.
to hana *spoštujem ampak nisem zmožna*.

Hana, dedek in bog

ko je bila še majhna, je pogosto hodila v cerkev s svojim dedkom.
še danes zna na pamet molitve
zdrava marija milosti polna, gospod je s teboj,
oče naš ki si v nebesih.
nikoli pa verjetno ne bom razumela zakaj je njen dedek umrl.
in zakaj so se na pogrebu vsi jokali.
hana se vsake toliko časa pogovarja s svojim dedkom,
ki ji vedno znova reče
nikoli več ne smeš gledati nazaj.
njen dedek je bil pameten mož, le preveč je pil in kadil.
imel je velike ambicije, da bo hana nekoč imela ogromne dojke.
tako se je tudi zgodilo, dokler ni hana staknila anoreksije.
hana *bom težko začela verjeti v boga,*
hana *bom težko začela verjeti v kogarkoli.*
hani se zdi bog prevelik, da bi *ga dojela*.

Ханна и семья

на колени ли, в угол
ради предков
родителей
братьев
сестер
детей
мужа
ханна, выдави из себя все, чем ты отродясь не была.
и эти надежды – *какой я стану.*
выкачай, ханна, последний катышек снов, и тогда уцелеешь.
ханна – *я очень люблю своих близких –*
слишком считается с ними
гордится: какие женщины были в роду,
сильные, им по плечу стерпеть унижение.
они, умеют прикинуться глупыми
или быть полезными,
если надо сделать в доме уборку и приготовить обед.
я, ханна, *все это ценю, но мне это не под силу.*

Ханна, дедушка и бог

когда она была маленькой, часто ходила с дедушкой в церковь.
она до сих пор помнит молитвы
радуйся, мария, благодати полная, господь с тобою;
отче наш, суций на небесах.
но я никогда не пойму, наверное, почему же дедушка умер.
и почему все рыдали у гроба.
хана время от времени с дедушкой говорит,
и он вновь и вновь твердит ей:
больше не смей оглядываться назад.
дедушка был неглуп, хоть много пил и курил.
он возлагал на нее большие надежды: внучка должна быть сисястой.
так оно и получилось, пока на нее не напала анорексия.
ханне *будет непросто поверить в бога,*
мне будет непросто поверить в кого бы то ни было.
бог для ханны слишком велик, чтобы его *я постигла.*

Karlo Hmeljak / Карло Хмеляк

Iz zbirke *Krčrk* / Из сборника "Крчрк" (2012)

»če se že ni mogoče odpovedati besedam« Vallejo

Daj mi telo, sen. Daj!
Sem, da lahko bom,
ker tukaj nisem.
Tako minem,
ker mi ne morete,
ker mi nemo trete,
kar sanjam:
rak, rek,
kremen.
Krenem
nem, ker
sanjam.
Maj nas,
da nas izbere,
da nas manj ostane.
Da vsi brez mene in
maske, majke, sni,
sami, sin sebe, besa,
tako ločen, tako telo,
tako brez, tako senza,
tako sin, tako sin.

"Уж если нельзя отказаться от слов" (Вальехо)

Сон, дай мне тело. Дай!
Дай его мне – быть и остаться,
ибо здесь я не есмь.
Я сгину,
и вы не помеха мне,
вы немо мелете,
то, что во сне мнится:
рак, рок,
кремень.
О чем
маета нам?
Избраны были бы,
мало бы стало нас.
Все без меня и маски
матери, сны,
сын себе сам,
один,
столь из плоти,
столь бестелесен,
тень, только сын,
только сын.

Kristina Hočevar / Кристина Хочевар

*Iz zbirke Na zobeh aluminij, na ustnicah kreda / Из сборника "На зубах алюминий, мел на
зубах" (2012)*

ne bom imela dolge sive kite, moji lasje so že zdaj pretanki.
gologlava pod trki, poljubi planetov in med primeži zvezd bom.

kjer mi bodo zobje padali v umivalnik, kjer mi bo telo določalo koreografijo dneva;
bom imela smisel za smeh; kjer bodo moje prstne odtise na kljukah
zamenjali hologrami na plazmah.

ne bom si garderobe omejila na pastelno, bež blago. moje majice bodo s kapuco.

bodo moje oči z več in gostejšimi zavesami;
od česa bodo gube globlje – rada bi ujela vsako neoznačeno zavezo.

bodo moje lakti mahedrave,
ali bom znala milino
ponuditi drugače;

moji ljudje, bomo z ušesi bliže,
ali bodo presledki
še bolj izdelani
še bolj;

moj jezik, žaltav, izoliran, brez žil ali z zarastlinami ognjen;
bo kri spet
moja najljubša sled;

izraziteje moji predniki ali bliže drugim, sebi, bom gmota spominov ali njihova
izguba, kaj;

bo hrbtenica, ali še po lastnem vzorcu vzravnana, saj, kokosovi žepki, moje besede

nakrhana katana.
bom bolj deček ali bolj deklica: zelo oba ali oba izlevena;

bom macesen ali travnik,
bodo besede
skladovnice za njen posluš; bodo vprašanja

ali bodo kadavri,

še pred vsem – bom sploh:

у меня не будет толстой седой косы – мои волосы и сейчас слишком тонкие:
головой своей голой я встречу толчки, поцелуй планет, хватку звезд.

там, где зубы мои осыплются в раковину, где тело продиктует хореографию дня –
смогу ли я рассмеяться; там, где мои отпечатки пальцев на ручке двери
сменятся голограммами плазменных мониторов.

я не стану носить лишь пастельные одеяния, бежевые оттенки – у меня будут маечки с
капюшоном.

будет ли больше завес у меня на глазах, будут они плотней?
от чего углубятся морщины – хочу поймать любой подспудный завет.

в локтях моих будет дрожь,
сумею ли выразить
нежность иначе;

люди мои, давайте держаться ухом поближе к уху,
будут ли интервалы
все четче,
резче;

мой язык, изолированный, без жил, усеянный струпьями или пылающий шрамами;
будет ли снова кровь
моим неременным следом;

ближе к своим предтечам или к другим, к себе,
буду ли кипой воспоминаний или же их могилой.

мой позвоночник сохранит ли свою прямоту, ведь кокосовые кармашки мои слова

треснувшая катана.
буду ли я больше девочкой или мальчиком,
или то и другое, или оба, но наоборот.

буду лиственницей или лугом
будут слова
пирамидками для ее слуха, будут вопросы

или будут кадавры,

но прежде всего – буду ли я?

Alenka Jovanovski / Аленка Йовановски

Iz zbirke Hlače za Džija / Из сборника "Брюки для Джи" (2012)

Lord Byron pozablja, o čem govori, zato govori o mehkužcih

Draga Avgusta, slišim, da se seliš, da bivaš v kartonastih škatlah, da si postala škatlasti človek.

Ne vem, kako naj ti pišem; že to, da kupim razglednico, kot imaš rada (a kam naj jo pošljem?), me dela nervoznega. Vsaka vrstica zahteva piškot, in ta je že peti.

Zadnje čase se čezmerno redim. Salo mi raste kakor oklep. Moj jezik je trd, skoraj vročičen, zobje so mašina za mletje. Sprožijo se, kadar kaj počni. Najprej je tlesk oster in suh, potem se celuloza zdrobi. Nekaj je, kar jo preša v kašasto zmes. Če nočem otrok, je zato, da ne opazujem, kako zlahka osvajajo strategije drobljenja in jih ne pozabijo niti leta pozneje, med hojo po mestu, ko se reklame, ljudje in smeti mešajo v papirno melaso.

Te škatle, ki so na voljo, kdaj spravljajo v obup? Obup nima barve. Tudi jeza je nima. Postal sem človek brez barve, a ni tako hudo, kakor misliš. Včeraj, na primer, je ves dan snežilo, dokler se svet ni vrnil v belino.

Bilo je lepo in spoznal sem, da bo treba gojiti mehkužce. Ljubim tisto občutljivo meso brez oblike, tako vlažno: ostriga kakor vagina. Ampak nisem želel reči tega, pozabil sem, kaj je bilo. Tvoji piškoti so sladki, najprej razjedajo, potem topijo spomin. Kljub temu ne skrbi, nisem pozabil na naju.

V pomladanskih nalivih polži množično prihajajo na površje. Ljubijo blato. Nekateri nimajo hišk. Rožnatorjave zvaljane gmote so včasih podobne problemom s prebavo. Ko so rastline najbolj bleščeče, napadajo vrt. Poželenje po živem je nepredstavljivo. Ne gre za lakoto, bolj za okus, za prežanje na to, kar bi nekoč lahko izgubili. Ko jih gledam, kar naprej mislim nate. Skrivaš se v temnozelenih oblekah in brezoblični spoj celic se večja in hrani s teboj.

Se spominjaš poletnih neviht – kako svetloba potuje pred zvokom? Za to pismo boš vedela, še preden ti bo prišlo v dlani in razdrlo nočno nebo. Kaj ni lepo, ko se vračajo barve? Včasih ne morem spati od njih. Če zaprem oči, še dolgo strmim v bliske. Ko je slišati zvok, vem, da bo drobček sekunde pozneje rosilo. Dež pada, dež brez pomena in bivališča. Kako postati brezoblični kot dež, kako prenesti vse kaplje? Najprej je na kartonu opaziti pike mokrote, potem leopardovo kožo. Na koncu vsaka zver postane kašasto mehka.

**Лорд Байрон забывает,
о чем говорит, потому говорит о моллюсках**

Дорогая Огуста, я слышал про твой переезд и про то, что теперь твоя жизнь протекает среди коробок. Коробочный человек! Не знаю, как лучше тебе написать – дурею от мысли, что надо купить открытку, такую, как тебе нравятся (куда ее, кстати, слать?). Каждая строчка – печенье, и вот я съедаю шестое. Что-то я начал толстеть. Сало растет, как броня. Язык неуклюж, я почти уже брежу, а зубы – как жернова, начинают работу, стоит раздаться щелчку. Звук сначала сухой и резкий, потом целлюлоза крошится и превращается в кашу. Я и детей не хотел бы, чтобы не видеть, как легко они овладевают навыком измельчения, они его помнят годы спустя, когда бродят по городу, а рекламные флаеры, люди и их отбросы превращаются в папье-маше. Эти коробки, которые всюду под боком – говоришь, вызывают отчаяние? Оно ведь бесцветно. И злость не имеет цвета. Я стал человеком бесцветным, но это не так тяжело, как ты можешь подумать. Вчера, например, весь день падал снег, пока не вернулся мир в свою белизну. Это было красиво, и я осознал: надо растить моллюсков. Мне нравится нежное мясо, влажное и аморфное: устрица – как вагина. Но я не об этом, я просто забыл, что хотел сказать. Твои печенья чудесны, они сперва разъедают, а затем расплавляют память. И все же не беспокойся – о наших с тобой неделях я не забыл.

Во время весеннего ливня из нор вылезают улитки. Им нравится грязь. Есть и те, что без домиков. Розово-бурые сгустки, похожие на расстройство желудка, они нападают на сад, когда деревья распускают цветы. Это непостижимо – их похоть, жажда живого. Это не голод, а страсть к наслаждению, они впиваются в то, что могли потерять. Смотрю я на них, а думаю о тебе. Ты прячешься в темно-зеленых нарядах, а мое скопление клеток растет, питаясь тобой.

Ты помнишь, как в летние грозы свет обгоняет звук? Ты узнаешь об этом письме до того, как оно упадет в твои руки, разрывая ночное небо. А знаешь, совсем неплохо то, что вернулись краски. Они мне мешают заснуть: закрываю глаза и долго смотрю на молнии. Слышу раскаты грома и знаю: вот-вот будет дождь. Дождь, у которого нет ни значения, ни приюта. Как бы мне стать таким же, как выдержать все эти капли? На картон ложатся сначала мокрые крапины, затем он становится леопардовой шкурой, и вот наступает миг, когда любая зверюга становится размазней.

Katja Plut / Катя Плут

Iz zbirke *Kresničke* / Из сборника "*Светлячки*" (2012)

Na tleh se nabira večer.

Kapuce strnjene miru so se povlekle na hiše,
tako trdno stojijo, da je težko oditi noter ali ven.
Zato: če ne moreš ostan, odkorakaš kleče.

Kitara in glasovi sežejo samo še do stropa.
Hosta izloča stisnjen hlad:
kdor je naš, naj gre noter,
kdor ni, naj gre ven.

Nekaterim ljudem, ki jih ni tu,
bi rada dala toplega slona, za nosit jih, za težka dela
in za pogret jih na večer na nočno temperaturo.

(Lupina mojega jajca pogosto
vsebuje premalo apnenca. Potem je pa krhko. Potem smo pa sami pa švoh.)

Lepo bi bilo, če bi se tačas kaj
velikega naslonilo na nas
in nas malo valilo.

Iskali in našli čeden razgled za zapustit

Na koncu ima
še božje oko
podočnjak.

На полу собирается вечер

Дома укрыты капюшонами застывшего покоя –
так плотно, что не выйти, не войти:
Поэтому: не можешь оставаться – уходишь на коленях.

Гитарный перебор и голоса
достигнуть могут только потолка.
Спрессованную стужу насыпает роща:
пусть входит свой,
и пусть чужой уйдет.

Есть люди – где-то, но не здесь, –
которым я дала бы теплого слона, чтоб их катал, и помогал в трудах,
и согревал по вечерам их до ночной температуры.

(Скорлупка моего яйца порой
содержит слишком мало извести, отсюда эта хрупкость,
да мы и сами-то весьма непрочны.)

Как хочется забиться под крыло
чего-то крупного и теплого... И пусть оно
высиживает нас.

Искали, что окинуть прощальным взглядом, и нашли

Оказалось, что
и под Божьим оком
есть подглазный мешок.

Janez Ramoveš / Янез Рамовеш

Iz zbirke *Skuz okn strejlam kurente* / Из сборника "*Через окно отстреливаю курентов*"
(2012)

(Plašejne vran)

Zakuru sm ogne... mlad sm...
zakuru zvečjer sm ogne okul njive...

Na vsak vogu njive
posadu sm rwoža... bolizn
taparu napade rwoža.
Nej klofotaja... vrane...
nej klofotaja togotnn.

Počas se nej zaustavlaja
zamahi nehnih repetnic...
veseja nej od štrjemlastih rogovil.

Nej se dereja...
krakaja nej...
naznajnaja nej...

Kej od tega mam rad

Pred hiša sedim... pa jim...
mat mi je skuhala žgance...
pa ješprejn. Tu mam rad.

Pa avto parpejle...
pwoštar je...
Kej je, reče... A glih jiš?
Neč... rečem, pa grje...
Pa primem pjest šwodra,
pa ga zabrišem za njim...

Če pejle kešn drug avto mim,
tud vržem kamn v negov bobnejne...
Tu mam rad...

(Шугаю ворон)

Запалил я, малец, под вечер
вокруг нашей нивки костры...

Насадил цветов с четырех сторон:
знамо, хвори
перво-наперво морят цветики.
Пущай они хлопают крыльями... вóроны...
пущай себе злобятся.

Чтоб
им зачехнуть...
пущай обвиснут
перья на их мослах...

Пущай они грают...
каркают...
накликают...

Во че люблю

Сижу подле дома... снідаю...
Мамка намяла картоплю,
сварганила ячку. Во че люблю.

Драндулет у калитки.
Почтарь...
Снідаешь? – грит, – От те на!
А я ему: – Ну, и чё?..
Смотался. Цапаю жмень грязюки
и запускаю вдогон...

Кто ни проедет мимо –
пуляю голыш в дыр-дыр-дыр.
Во че люблю...

Ivo Stropnik / Иво Стропник

Iz zbirke *XXXL – Velike ljubezni: 69 lirskoslovarskih gnezd prometejskih orlov* / Из сборника
*"XXXL – Великие любовные истории: 69 словарных гнезд лирического лексикона
Прометеевых орлов"* (2012)

lahkoverna

velikih ljubezni ni,
so samo visoke skale
in zapuščene trave,
ki te prerasejo navzdol;
so samo male kače
proti čokatim kuščarjem;
velikim besedam
ne smeš nikoli verjeti,
tako pogubne so:
iz igralkinih ust,
izza grobarkinih zob,
iz srepih oči iluzionistke;
majhne ljubezni so
iz majhnih besed,
iz bežnih mežikanj,
iz poljubov, poslanih z roko;
največje ljubezni so
brez besed

Pesnik neko jutro (v temnem oblačilu
in s črnim klobukom na glavi
čez utišano škripanje
lesenega poda) ...

lipova

naj bo vsaj ena naša,
takšna o smrti
z vseh strani:
iz česa je
slovenska krsta:
iz lipovega dna,
orehovega pokrova,
lanene blazine,
sijajnega laka,
žegnanega križa,
podkovskih žeblicev
in kladiva v njej

легковерная

нет великих любовей,
есть лишь высокие скалы
и покинутая трава,
нас проросшая сверху;
 есть только малые змейки
против тучных тритонов;
 громким словам
верить нельзя никогда,
столь они губительны:
 из уст актрисы,
из пасти могильщицы,
из цепкого взора фокусницы;
 маленькие любви –
они из маленьких слов,
из робких движений век,
из воздушного поцелуя;
 самой большой любви
не нужны слова

Поэт поутру
(в темном костюме и черной шляпе,
сквозь приглушенный скрип
дощатого пола)...

липовая

пусть хоть одна будет наша,
всеобъемлющая
песнь о смерти:
 из чего он,
словенский гроб:
 днище из липы,
крышка – орех,
льняная подушка,
блестящий лак,
 крест освященный,
подковные гвозди
 и молот внутри.

Maја Vidmar / Майя Видмар

Iz zbirke *Kako se zaljubiš* / Из сборника *"Как влюбиться"* (2012)

Ko se zaljubiš
v svojo preteklost,
se v tebi rodi
starec, ki se mu
tresejo tvoje roke,
ki ga bolijo tvoje
noge in težko
vstaja iz tvoje
postelje. Včasih
si malo nestrpna
do nadležnega
gosta, toda nič ne
ustavi zaljubljene
ženske. In ko se
ljubi tega zave,
izgine kot knjiga
med knjigami.
Stoletja se je
nihče ne dotakne,
le zrak ji suši
zaobljeni hrbet,
dokler ne zagori
v požaru, ki ga
pomnijo še
tisočletja.

Kar naenkrat

Prvi piš vetra je
na mizi izbral
pesem, pravkar
napisano, samo
eno, in jo v
loku odnesel.

Iskala sem jo,
pravokotnik beline
na rdeči strehi,
bel list na temni
travi za hišo in
na rjavih njivah
že daleč naprej

do prvih kapelj in
še nekaj časa v dež.

Когда ты влюбляешься
в свое прошлое,
в тебе родится старик,
у которого
дрожат твои руки,
болят твои ноги,
он с трудом
встает из твоей
постели. Иногда
ты немного сердита
на докучного гостя,
но что остановит
влюбленную женщину?
Как только любимый
это поймет,
он исчезает,
как теряется книга меж книгами.
Веками
ее не касаются руки,
лишь воздух
иссушает ее корешок,
пока она не займется
в пожаре,
который помнится
тысячелетиями.

Внезапно вдруг

Ветра порыв
ухватил со стола
один только лист –
с новым
стихотворением –
и унес его вдаль.

Где только я ни искала
белый прямоугольник:
на красной крыше,
на темной траве,
на бурых полях,
простертых
за домом,

до первых капель,
и еще чуть-чуть – под дождем.

Milan Vincetič

Iz zbirke *Stajanke* / Из сборника "*Таянки*" (2012)

Predvečer

Čevlji ki si jih je preobul
njen predvečer
so stopili tisoč milj
na široko
in na globoko
in me ponosili
na predpražniku
mojih starih
pasjih oči

Dom

Dušno je in srkava
v šepet doliti
svinčev slad

in žalna sva tišini,
ki v copatih mišje
gospodinji v hiši.

Сумерки

Его ботинки, переобутые
в ее сумерках,
шагнули на тысячу миль
в ширину
и в глубину
и меня износили
на пороге моих
старых
собачьих глаз.

Дом

Духота, и мы с тобой
пьем свинцовый солод,
растворенный в шепоте,

и печаль наводит тишь,
что снует хозяйкой-мышкой
в темноте.

II.

Виктор Іванів / Victor Ivaniv

СТИХИ К МАРИИ ИЗ КУЗНИ

В одяле твоём камни
На голове шапо
И теплое какао
И легкое трико

Осел бы и в Нью-Йорке
Отъехал бы во сне
В руке моей отвертка
И я змея в овсе

Сегодня серо небо
А завтра ты заплачь
Ты подожди амебу
Вчерашний три калач

Я говорю прощаясь
Опять исчезну я
Но ты дождись Дождя
Коль кану в бездну я

Сегодня небо серо
Ты подожди вчерась
Оно придет боксером
Локтей твоих карась

Тем лакомей до радуг
Куда они бегут
Трамвайною дорадой
И Златка на снегу

Сегодня небо серо
Твой макинтош на мне
И пиджачок эсера
Ладонкой на окне

Сегодня небо серо
Ладонкой на окне
Оксанка Златка Вера
В тебя моя к весне

PESEM ZA MARIJO IZ KOVAČNICE

V odeji nosiš kamne
Na glavi je chapeau
In topel je cacao
In lahen je triko

Živel bi v New Yorku
Odšel bi sam v snu
V roki izvijač je
In kača je v senu

Nebo je danes sivo
A jutri ti zajočeš
Počakaš na amfibo
Ta star rogljič zahočeš

Slovo spet moje to je
Če spet me več ne bo
Počakaj Čakaj name
Če odidem kar tako

Nebo je danes sivo
Počakaj me zvečer
Kot boksar je gibljivo
Komolcev tvojih zver

Še mavrice bi rado
Zakaj so le na begu
S trámvajsko orado
In Zlatka je na snegu

Nebo je danes sivo
Tvoj mackintosh na meni
In suknjič zapeljivo
Na oknu prst rumeni

Nebo je danes sivo
Na oknu prsti mladi
Oksanka Zlatka Ivo
V tebe do pomladi

ФЕТВА

ФЕТВА КААБА ФЕТВА ЗАРРАТУН ФЕТВА ФУТУРРРРУН ФЕТВА МАХДИ

ФЕТВАХ ИБЛИС ФЕТВА АРМЕН ДЖИГАРХАНЯН

ФЕТВА ПТАХ

ФЕТВА КАМНЕЙ

ФЕТВА МОСТОВ

ФЕТВА

ФЕТВА ФЕТВА

БИМИ АЛЬ РАХМАНИ АРРАСЫМИ

ФЕТВА

ФЕТВА

ФЕТВА

ФЕТВА ГОЛОЙ ПУСТЫНИ

ФЕТВА СТУХ

ФЕТВА ЖОПА

ФЕТВА СОЛНЦЕ

ФЕТВА ЧЕРНОЕ ВЕРХНЕЕ СОЛНЦЕ

ФЕТВА

ФЕТВА

ФЕТВА

ФЕТВА ИЗЕРГИЛЬ

ФЕТВА МАГАРЫЧ

ФЕТВА

ФЕТВА КАЖИМОСТЕЙ

ФЕТВА КРИСТАЛЬНОЙ НОЧИ

ФЕТВА ОПАХАЛА ХРУСТАЛЬНОЙ НОЧИ

ФЕТВА ОПАХАЛА ХРУСТАЛЬНОЙ НОЧИ

ПРИБИТОЙ СВЯТЫМИ ГВОЗДЯМИ

К СТЕНЕ ПЛАЧА

ФЕТВА СМЕРТЬ

ФЕТВА ЖИЗНЬ

ФЕТВА

ФЕТВА

ФЕТВА ДЖИЛЛАЛЬ

ФЕТВА ГАШИШИН

ФЕТВА ТАБАНЬ

ФЕТВА

ФЕТВА

ФЕТВА

ФЕТВА

FATVA

FATVA KAABA FATVA ZARRATUN FATVA FUTURRRRUN FATVA MAHDI FATVA
IBLIS FATVA ARMEN DŽIGARHANJAN
FATVA PTIČKOV
FATVA KAMNOV
FATVA MOSTOV
FATVA
FATVA FATVA
BIMI AL RAHMANI ARRASIMI
FATVA
FATVA
FATVA
FATVA GOLE PUŠČAVE
FATVA STYX
FATVA RIT
FATVA SONCE

FATVA ČRNO VRHNJE SONCE
FATVA
FATVA
FATVA

FATVA IZVERGIL
FATVA NAZDRAVLJANJE
FATVA
FATVA SIMULAKROV
FATVA KRISTALNE NOČI
FATVA PAHLJAČE KRISTALNE NOČI
FATVA PAHLJAČE KRISTALNE NOČI
PRIBITE S SVETIMI ŽEBLJI
NA ZID ŽALOVANJA
FATVA SMRT
FATVA ŽIVLJENJE
FATVA
FATVA
FATVA DŽILAL
FATVA HASASIN
FATVA HIJA HOP
FATVA
FATVA
FATVA
FATVA

Наложённая вовеки веков
На МАРИЮ КУЗАНСКУЮ
ФЕТВА НА ЕЕ ПАМЯТЬ
ФЕТВА НА ЕЕ СОН
ФЕТВА НА ЕЕ СМЕРТЬ
ФЕТВА ПАЛЬМА
ФЕТВА ПОЛНОЧЬ
ФЕТВА ПОЧТА
ФЕТВА РЕЧЬ
ФЕТВА РАКУШКА КАУРИ НА ВОЛОСКЕ ШЕИ ЕЕ
ФЕТВА ПАРАЛИЧ
ФЕТВА
ФЕТВА
ФЕТВА
ФЕТВА
ФЕТВА ЛАРЬ ХРУСТАЛЬНЫЙ
ФЕТВА ТЕТНЮРОЧКИНОГО КОЛЕЧКА
ФЕТВА ДОМ
ФЕТВА УМ
ФЕТВА ВЫШИБИ ДВЕРЬ
ФЕТВА
Я ЗАШЕЛ В ЕЕ СОН
ФЕТВА ФРЕДДИ ПОБЕЖДЕН
ФЕТВА
ФЕТВА
ФЕТВА

Razglašena na vse večne čase
Na MARIJO KUZANSKO
FATVA NA NJEN SPOMIN
FATVA NA NJEN SEN
FATVA NA NJENO SMRT
FATVA PALMA
FATVA POLNOČ
FATVA POŠTA
FATVA GOVOR
FATVA ŠKOLJKA PORCELANAST POLŽEK NA DLAKI NJENEGA VRATU
FATVA PARALIZA
FATVA
FATVA
FATVA
FATVA
FATVA SKRINJA KRISTALNA
FATVA TETNJUROČKINOVEGA PRSTANČKA
FATVA HIŠA
FATVA UM
FATVA VLOMI VRATA
FATVA
VSTOPI SEM V NJEN SPANEC
FATVA FREDDY JE USRANEC
FATVA
FATVA
FATVA

Я вижу только только только только honey moon
Все остальное это это это Пан Ги Мун
Все остальное это это это Пак Джи Сун
Но пакистанку не привозят very soon

Я дринк Ред лейбл ин ред джинс ин ред ин ред
Я знал козу соплю и мышь как табурет
Все это это это это very soon
Как эти имена тебе к лицу

Но этот данс макабр макабр теперь прошел
И стало все ну очень очень хорошо
Я был в лесу и там молился колесу
И в общем справку хочешь принесу

Все это очень очень очень хорошо
Ай кноу зе сикрет я его нашел
Я знаю это это это honey moon
И табурета не касаюсь как рассоон

Vidim samo samo samo samo honey moon
Vse ostalo je je je Ban Ki-moon
Vse ostalo je je je Park Ji-Sung
A Pakistanke ne pripeljejo very soon

Jaz drink Red label in red jeans in red in red
Kozo sem poznal hripavo kričal in miš kot taburet
Vse to to to to very soon
Kako ti ta imena pristajajo

Toda ta dance macabre je minil
In vse je postalo no zelo zelo dobro
Živel sem bogu iza nogu
Če hočeš potrdil je mnogo

Vse to je zelo zelo zelo dobro
Aj nou z sikret našel sem jo
Vem to je honey moon
In tabureta se ne dotikam kot raccoon

Корабль из хрусталя разбит
За стенками обмороженных
За радостью наоборот
По трупам земли шествия
Цветения цветов в стеклянной измороси створ
Ресниц замерзших в инее
Из под шапки петушка
Растоптанного
Нерассосанного
Как рана гематома стигма
Психоделическая армия уничтожена
Хрусталь что щурит глаз
Разъел себя на все суставы
Костяков
Слежавшихся
И струпьями радости стигматами огня исчезнувшего
Покажется болезнь смертельная
Уничтожение
Повергло знамя что не запыляет
Кровью вашей
Обрушенною в смерть
В уничтожение
В уничтожение
И печальная пленка смотана спокойного пейзажа

Kristalna ladja je razbita
Za stenami zamrznjenih
Za radostjo je obratno
Po truplih zemlje sprevodi
Cvetenje cvetlic v steklenem rosenju dežja po steklu
Trepalnic zamrznjenih v ivju
Izpod čepice petelinčka
Poteptanega
Ne uplahne
Kot rana hematoma stigma
Psihadelična vojska je uničena
Kristal, ki se ga lahko gleda le s priprtimi očmi
Razjedel se je po vseh sklepih
Okostnjakov
Spojenih
In s krastami veselja stigmami izginulega ognja
Pokaže se smrtna bolezen
Uničenje
Zastavo je vrglo na tla, da ne bi zagorela
Vaša kri
Zrušena v smrt
V uničenje
V uničenje
In žalosten zvit film mirne krajine

Завеса сорвана лета вечного

Одно уничтожение

Уничтожение

Армия радости погибла

Уничтожена

До одного

Наоборот не будет

Не сбудется

И продолжается

Сверху наискось и вниз до живота

Хрустальное как ночь

Уничтожение

Zavesa utrgana poletja večnega

Le uničenje

Uničenje

Vojske veselja ni več

Uničena je

Do zadnjega

In obrata ne bo

Ne bo prišel

In se nadaljuje

Z vrha poševno in dol do trebuha

Kristalno kot noč

Uničenje

К.Б.

Долго заваливает в сон вахтовка

Бежит самум и нечем дышать в степном аэропорту

Сильно болтает на старом самолетике

Бешено тряпками замотаны люди в вокзалах

Я ничего не хочу только правды

С утра я думаю думаю думаю мучительно и пишу

То что природа правды искусство лишь проводы

Я на вокзале синий огонь фонарей над дальним путем

Город уложится в коробочку спичек

Сера сгорит освещая старые лица здания швейников

Что подгнивает на солнце в ночной прогулке с рассказом

Вспышками времени как продуктовый магазин

Легкие проводы я не могу есть медленно

Встревожено смотрит как плачет утомленный ребенок

И дарит спокойствие встреча и снимает конвульсии

С рассказчика который закосел в витринах гробов и в кутузках

Теплые варежки пальто и кофе дарит миллионщицей

Встреча на остановке лесоперевалка короткий провал

Сознания поезд уносится долгого чтения полтора суток

Посадил в вагон кто еще подарит веру в правду и возможную жизнь

K.B.

Dolgo pada v sen straža

Piha samum in nemogoče je dihati na stepskem letališču

Močno zveni na starem majhnem letalu

Besno so v cunje zaviti ljudje na postajah

Ničesar nočem samo resnico

Od jutra mislim mislim mislim s trdom in pišem

Da je narava resnice umetnost le slovo

Sem na železniški postaji moder soj svetilk nad daljno potjo

Mesto je leglo v šibično škatlico

Žveplo bo zgorelo osvetlilo stare obraze hiše krojačev

Kdo trohni na soncu na nočnem sprehodu z zgodbo

V izbruhih časa kot majhna trgovina

Lahkih poslavljanj ne morem jesti počasi

Vznemirjeno gleda kako joče utrujen otrok

In srečanje pomiri in končajo se krči

Pripovedovalca ki je pijančeval v steklih krst in zaporniških celicah

Tople rokavice plašč in kavo podari milijonarki

Srečanje na postaji splavov kratka izguba

Zavesti vlak drvi dolgega branja poldrugo uro

Pomagal je sestri v vagon kdo še podarja vero v resnico in v to da je življenje mogoče

Кирилл Корчагин / Kirill Korčagin

снег во впадинах в тусклом
кинотеатре движется снег
в микроскопических впадинах
и желтеющий свет изнутри
наполняющий складки

так скользит всю ночь неизбежный
массив и шаги отзываются
в коридоре радость несут нам
и праздник несут обрывая
неподвижную канонаду

кто живет в этих светлых дворах
оставляет горящий свет готовит
тяжелую пищу и сверкающий тренос
прорывается сквозь метель
и проемы гудящего холода

охвачены ветром влажным
прикосновением растворившихся
облаков на суженном снегом
подъеме в пористых складках
в бесконечной любви камней

sneg v vdrtinah v motnem
kinu se premika svetloba
v mikroskopskih vdrtinah
in rumeneča svetloba od znotraj
napolnjuje gube

tako drsi vso noč neizbežni
masiv in koraki odzvanjajo
po hodniku veselje nam nosijo
in praznik nosijo prekinejo
nepremično streljanje topov

kdo živi na teh svetlih dvoriščih
pušča prižgano luč kuha
težko hrano in bleščeče žalovanje
se prebija skozi metež
in okna zvenečega mraza

zajame jih veter vlažen
dotik raztopljenih
oblakov na s snegom zožanem
vzponu v luknjičavih gubah
v neskončni ljubezni kamnov

putra

голосами муз окруженные
искаженными радиопередачами
пóлосами сегментов
во флуоресцентном кожухе
засыпают в приемном покое
где розы и соловьи
металлический вокабуляр
над карминной плесенью озера

засыпает в тихом покое
затишающий и приглушенный
рассеченный и снова
снегом скользящим дрожащей
облаткой под языком
в алхимической травме
в неизбежной листве
снова движется сон и над ним

ртутные облака́ веселящего
газа ссохшихся трав медленное
течение и летящий над океаном
замирает и волны рельефов
сочатся надломленным звоном
пока под слоями пены на сушу
вместе с атлантическим мусором
волны выносят рыб

putra

z glasovi muz obkroženi
z izmaličenimi radijskimi oddajami
s pasovi sedimentov
na fluorescenčnem ovoju
zaspijo v sprejemni sobi
kjer so vrtnice in slavčki
kovinski glosar
nad karminsko plesnijo jezera

zaspí v tihem miru
vse tišji in pridušen
razsekan in znova
s snegom drsečim drgetajoča
s hostijo pod jezikom
v alkimistični poškodbi
v neizbežnem listju
znova se premika spanec in nad njim

živosrebrni oblaki smejalnega
plina posušenih trav počasen
tok in ta, ki leti nad oceanom
zamre in valovi reliefov
se cedijo z nalomljenim zvenom
med tem ko pod sloji pene na obalo
skupaj z smetmi atlantika
valovi odlagajo ribe

заинтересовался реалиями
и связанными процессами
вышел туда где присутствует
люминесцентная ночь

где скользит безразличная
прохлада и наполняет несмело
каждое слово каждому слову
верная и неживая в хрустящей
варварской наготе

так вокруг меня оборачивается
подрагивает и дышит беспокойный
безвоздушный водный массив и то что
срезано солнцем с кромки его и осталось
где-то рядом со мной

и если из этого не припомнить
большую часть то остается смотреть
как опрокидывается в тактильный
ад кожа сухая влажная кожа
на сгибах локтей

začela so me zanimati dejstva
in z njimi povezani procesi
šel sem tja kjer je
luminiscenčna noč

kjer drsi ravnodušen
hlad in plašno polni
vsako besedo vsaki besedi
zvest in brez življenja v hrustljavi
barbarski nagoti

tako se okrog mene obrača
drgeta in diha nemirni
vodni masiv brez zraka in to kar je
sonce odrezalo z njegovega roba in je ostalo
nekje ob meni

in če si ne zapomniš
večine tega ti preostane le da gledaš
kako se prevrne v taktilni
pekel koža suha vlažna koža
na pregibih komolcev

задевают смутно касаясь кружат
какие-то точки и пелена за ними
и не то что надвигается но как-то
вплотную кто бы ни появился
поднимаются кверху колонны хотя
не дает им горящий пух во весь
рост растянуться к чему это если
просто стоят ожидая нет дела
вид не без ужаса но и не без
опустошенности некой даже если
будет нас трое и спины соприкоснутся
то таков утренний воздух размещенный
на уже не принадлежащей нам высоте

trkajo v neredu se dotikajo krožijo
nekakšne točke in tančica za njimi
in ne da se ravno približujejo pač pa
se blizu ne glede kdo se pojavi
dvigajo navzgor stebri čeprav
jim vroč puh ne pusti da bi se v vso
višino dvignili k nečemu to je če
preprosto stojijo in čakajo ne na
videz ne da jih ne bi obšla groza a tudi ne brez
opustošenosti celo če
bomo trije in se bodo hrbti dotikali
potem tak jutranji zrak nastanjen
na višini ki nam več ne pripada

агора

кто бы вспомнил те переулки
холмистые выемки их канавы
в них все мы лежим летим
и собираются звуки и разлетаются
звуки и собираются вновь

как в оболочках возвышенных
длится скребущимся языком
нарывает и вот закрутилось
в досматривающих руках
под пятнами спецодежды

подняться бы с ними вместе
на хвойные горы гарца
растекаясь от одного пика
к другому заполняя просветы
изрешеченной перспективы

невдалеке от праздника но все же
между холодных ветвей
заключено их столько
теряется взгляд и медленно
с вершины движется снег

agora

kdo bi se spomnil teh uličic
gričevja njihovih lukenj njihovih jarkov
v njih vsi ležimo poletni
in zbirajo se zvoki in se razletijo
zvoki in se znova zbirajo

kot v ovojih vzvišenih
traja s praskajočim jezikom
koplje in glej zavrti se
v rokah ki pregledujejo
pod madeži delavske obleke

dvignil bi se skupaj z njimi
na iglaste gore harza
raztekal bi se od enega vrha
do drugega zapolnjeval bi špranje svetlobe
prerešene perspektive

nedaleč od praznika pa vendar
sredi hladnih vej
toliko jih je sklenjenih
izgublja se pogled in počasi
se z vrha premika svetloba

вот они сходятся во дворе ночь и под водой голос

простирались степи и сны тревожили
волновались чащи над землей холодной
когда путешественник златоволосый
пыль презирая es ist zeit sagt mir и мы

открыты двери не светятся окна и голос другой
(на мотив старой песни)

il pleut im stillen raum как в сердце поет
обрубок дня
но дыма не видно лишь туман поднимается
над бесконечными лощинами да мышь полевая
рыбацкую песню поет

растения между камнями и тот и другой в подступающей тишине

как ловцы в пустых деревнях и те кто выходит навстречу
и те что идут по следу веселую песню поют
и несетя она над полями
как на руках пилигрима несут

(так ангел поет вместе с нами)

а трава как положено ей уходит под землю

glej tako se združita na dvorišču noč in pod vodo glas

razprostirale so se stepe in sanje so plašile
skrbelo je gošče na hladno zemljo
ko popotnik zlatolasi
ne zmeni se za prah es ist zeit sagt mir in mi

odprta so vrata okna se ne svetijo in glas je drugačen
(na napev stare pesmi)

il pleut im stillen raum kako v srcu poje
odsek dneva
a dima se ne vidi samo megla se dviga
nad neskončnimi grapami poljska miš
ribiško pesem poje

rastline med kamni in ta in drug v nastopajoči tišini

kot lovci v praznih vaseh in ti ki jim pridejo nasproti
in ti ki gredo po sledeh veselo pesem pojejo
ki razlega se nad polji
kot na rokah romarja nesejo

(tako poje angel z nami)

Trava pa kakor se spodobi ponikne pod zemljo

нецах

спят ночами тонны камней
и буковый лес их сторожащий
безусловно любовники спят
укрытые тенью листвы

в узлах ветвей набухая
нерасторжимы плоды и суставы
нерасторжимы
и теченьям земли не подняться
и потоки будут нежны

но и столько птиц никогда
не видел в сверкающем оперении
этот воздух и влага
и ветви этих деревьев

укрывающих норы змеиные
молчанием полные и тишиной
в опустошении
искаженного солнца

necah

ponoči spijo tone kamnov
in bukov gozd jih straži
nedvomno ljubimci spijo
pokriti s senco listov

v vozlih vej nabrekajo
neločljivi plodovi in sklepi
neločljivi
in s tokovi se zemlja ne bo dvignila
in potoki bodo nežni

in tudi toliko ptic nikoli
nisem videl v bleščečem perju
ta zrak in vlaga
in veje teh dreves

ki pokrivajo kačje brloge
polne molka in tišine
v opustošenosti
izmaličenega sonca

ZAHVALA: 10. FESTIVAL PRANGER so omogočili donatorji, sofinancerji in koproducenti: **JAK** (Javna agencija za knjigo RS), **Občina ROGAŠKA SLATINA**, **FORUM SLOVANSKIH KULTUR**, **INSTITUT PEREVODA MOSKVA** in Vseruska državna knjižnica za tujo literaturo **M. I. Rudomino Moskva**, **GOETHE-INSTITUT Ljubljana**, **Društvo Slovenija Rusija**, **Festival MLADE RIME**, **Gimnazija Vič – literarni klub L'etažer**, **Občina KOZJE**, **DSP, VEČER**, **Kulturni center Rogaška Slatina**, **KŠŠO**, **Ruska trgovina Čeburaška Maribor Ljubljana**, **MLADINA**, **ATRIJ ZRC**, **Knjigarna AZIL**, **RUSKI CENTER Ljubljana**

